

скими событиями и юридическими действиями, вплоть до изъятия сроков из совокупности юридических фактов.

Даже поверхностный анализ современного гражданского законодательства говорит о другом, а именно юридические факты ограничиваются только юридическими событиями и юридическими действиями как их разновидностями, допускается расширенное толкование сути таких обстоятельств даже за пределами юридических событий и юридических действий, рассматриваются сроки как юридические факты вместе с юридическими событиями и юридическими действиями. Примером первой юридической конструкции может быть ст. 7 ГК Беларуси, второй правовой позиции является ст. 11 ГК Украины, где п. 4 ч. 2 содержит при перечислении оснований возникновения гражданских правоотношений словосочетание «иные юридические факты», которое подлежит расширенному толкованию, а третьей законодательной позиции – приведенные выше положения ГК Португалии.

В теории гражданского права под юридическим фактом понимаются обстоятельства социальной жизни, которые рассматриваются объективным правом как порождающие юридические последствия [6, с. 69-70]. О. С. Иоффе в своем исследовании обратил внимание на неисчерпаемость перечня юридических фактов гражданского права только действиями и событиями [7, с. 122], что согласуется с вариативностью и социально-правовой гибкостью гражданско-правовых категорий, в том числе являющихся основаниями возникновения гражданских правоотношений (юридических фактов).

Исходя из изложенного выше и приведенного определения юридического факта следует прийти к выводу, что сроки имеют право рассматриваться как разновидность такового именно в совокупности с юридическими действиями и юридическими событиями. В случае привлечения срока как временной категории в перечень оснований возникновения, изменения, прекращения гражданских правоотношений, такой юридический факт имеет значение в совокупности с иными юридическими фактами (действиями или событиями), что прямо указано в действующем законодательстве (ст. 251 ГК Украины).

Приведенные изложения автор не считает исчерпывающими и призывает научную общественность к дальнейшему исследованию временных величин в гражданском праве для определения истинной природы подобных юридических категорий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав. / В. П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
2. Жгунова, А. В. Сроки в советском гражданском праве: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12. 712 – гражданское право и гражданский процесс / А. В. Жгунова; Министерство высше-

го и среднего специального образования РСФСР. Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1971. – 19 с.

3. Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М.: Госюриздат, 1958. – 182 с.

4. Луць, В. В. Строки і терміни у цивільному праві: монографія / В. В. Луць – К.: Юрінком Інтер, 2013. – 320 с.

5. Черногор, Н. В. Строки та терміни у спадковому праві України: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 – цивільне право і цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право / Н. В. Черногор; Національний університет «Одеська юридична академія». – Одеса, 2011. – 20 с.

6. Морандьер Л. Жюллио де ла. Гражданское право Франции. В 3-х томах. Т. 1 / Перевод с французского Е. А. Флейшиц. М.: Иностранная лит-ра, 1958. – 742 с.

7. Иоффе, О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. / О. С. Иоффе. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. – 1949. – 144 с.

ПОНЯТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

*Миколенко А. Н., к.ю.н., доцент,
Бегларян Л. А., студентка, Одесский
национальный университет
им. И. И. Мечникова*

Украина провозгласила курс на построение демократического, правового и социального государства, что потребовало проведения целого ряда преобразований, в том числе и в судебно-правовой сфере. Основные положения такой реформы были сформулированы еще в Концепции реформирования уголовной юстиции Украины, утверждённой указом Президента Украины от 8 апреля 2008 и реализованы в Уголовном процессуальном кодексе Украины от 13 апреля 2012 года (далее – УПК Украины). Принятие нового процессуального закона повлекло переосмысление многих категорий уголовного производства, предоставления им научного обоснования. Актуальным в связи с этим является вопрос теоретического и практического исследования одного из самых консервативных институтов уголовного процессуального законодательства – института понятий.

Действующее уголовное процессуальное законодательство предусматривает проведение большинства следственных (розыскных) действий с обязательным участием понятий. Следовательно, прокурор обязан пригласить не менее двух незаинтересованных лиц для производства таких следственных (розыскных) действий, как предъявление лица, трупа или вещей для опознания, осмотр трупа, в том числе, связанного с эксгумацией, следственный эксперимент, освидетельствование лица. В случае, если следователь, прокурор применяют непрерывную видеозапись хода проведения соответствующего следственного (розыскного) действия, понятий можно не приглашать. Исключение, согласно ст. 223 УПК Украины, составляют: обыск или осмотр жилья или

другого владения лица, обыск лица, которые осуществляются с обязательным участием не менее двух понятых вне зависимости от применения технических средств фиксации [1].

Данный институт в уголовном процессуальном законодательстве Украины является как способом реализации принципов уголовного производства, предусмотренных в ст. 7 УПК Украины, так и способом контроля над деятельностью органов досудебного расследования во время проведения следственных (розыскных) действий. Однако несмотря на многие позитивные моменты участия понятых в уголовном производстве, обратим внимание на некоторые проблемы, характерные для этого института:

1. Законодатель закрепив понятого в качестве участника уголовного производства, не дает определения «понятой», так же не выделяет требований к нему: наличие документов, подтверждающих личность, возраст, место жительства, психическое состояние здоровья, место работы и т. д. Отсутствие этих данных может создать трудности при вызове понятого в суд для дачи показаний в качестве свидетеля проведения следственного (розыскного) действия.

2. Отсутствие перечня прав, обязанностей и ответственности понятого, как участника уголовного процесса, возможности отвода, гарантий личной безопасности и правовой защиты понятого, в значительной степени усложняет правоприменительную деятельность органов досудебного расследования в этой сфере. Понятой по сути, превращается в постороннего наблюдателя следственного (розыскного) действия, который практически не имеет возможности (а зачастую и желания) активно влиять на обеспечение объективности результатов расследования.

3. Законодательство также не регламентирует механизм привлечения граждан к выполнению следственных действий в качестве понятых. Не предусмотрена и ответственность за сознательную необъективность граждан, выступающих в качестве понятых [2]. Кроме того, существует множество препятствий морального, этического и другого характера, которые делают невозможным привлечение понятых. В частности, осмотр места совершения преступления ведется не тогда, когда этого хочет следователь или понятой, а когда того требуют реальные обстоятельства, то есть во время дождя и снега, в некоторых случаях поздней ночью, в поле, на глухой дороге, в лесу и т. д. В частности, при проведении опроса следователей 96% из них ответили, что в их практике имели место факты отказа понятых от участия в следственных действиях, а 63% указали, что такие случаи нередки. Причинами отказа, как правило, является нежелание сотрудничать с правоохранительными органами, участвовать в судебной тяжбе, страх за собственную жизнь и здоровье, необходимость воспринимать негатив-

ную обстановку (трупы, кровь, присутствие криминальных элементов) и прочее [3, с. 10].

Отдельно хотелось бы обратить внимание на результаты исследования, которое проводила А. Л. Булейко. Автор ссылается на анкетирование, по результатам которого лишь 12% опрошенных судей сталкивались с необходимостью допроса понятых в зале судебного заседания с целью проверки полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела [3, с. 11-12].

Анализ юридической литературы по поводу эффективности и целесообразности участия понятых в производстве следственных (розыскных) действий, позволяет говорить о двух противоположных точках зрения. Первая группа авторов, являясь противниками института понятых, подтверждают свою позицию следующими аргументами:

1) неактивное участие граждан (понятых) при осуществлении следственных (розыскных) действий;

2) сложность процедуры привлечения понятых к процессуальным действиям;

3) невозможность обеспечить участие понятых в исключительных случаях (неблагоприятные погодные условия, глухая местность, позднее время);

4) развитие научно-технического прогресса, что позволяет применять альтернативные средства фиксации достоверности получения доказательств;

5) фактически устанавливается презумпция недоверия к правоохранительным органам, что влечет подрыв авторитета государства.

Представители противоположной позиции обосновывают необходимость оставления понятых в уголовном процессе следующими аргументами:

1) понятые обеспечивают процессуальные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве;

2) благодаря их участию исключается возможность фальсификаций со стороны сотрудников правоохранительных органов;

3) повышается надежность и достоверность полученных доказательств;

4) гарантируется соблюдение правильности фиксации факта, содержания и результатов процессуальных действий [4, с. 25].

Таким образом, можно прийти к выводу, что наличие института понятых в современном уголовном процессуальном законодательстве Украины имеет как позитивные, так и негативные стороны. В целом же данный институт требует определенного реформирования, в частности: введения понятия «понятой»; наличие у понятого перечня прав, обязанностей и ответственности, в случае его необъективности при производстве следственных (розыскных) действий, наличие требований к таким лицам (дееспособность, возрастная ценз (от 18 лет до 65); наличие механиз-

ма привлечения граждан к выполнению следственных (розыскных) действий в качестве понятых; возмещение гражданам, которые согласились быть понятыми денежных расходов (например, почасовая оплата труда). В противном случае, институт понятых так и останется неэффективным институтом уголовного процессуального законодательства Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кримінальний процесуальний кодекс України: чинне законодавство зі змінами і допов. на 20 серпня 2015 року: Офіц. текст. – К.: Алерта, 2015. – 296 с.
2. Маляренко, В. Т. Про інститут понятых у кримінальному процесі / В. Т. Маляренко, І. В. Вернідубов // Вісник Верховного Суду України. – № 3/25 – 2001. – С. 26 – 30.
3. Булейко, О. Л. Участь понятых у кримінальному процесі: автореф. дис. канд. юрид. наук / О. Л. Булейко. – К., 2009. – 19 с.
4. Вандер, М. Объективация и защита доказательств по уголовным делам / М. Вандер, В. Исаенко // Законность. – 1996. – № 10 – С. 22-26.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЙСТВИЯ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

*Мисаревич Н. В., к.ю.н., доцент,
Гродненский филиал БИП*

Общепризнанным является тот факт, что поиск своей собственной оптимальной модели местного управления и самоуправления – это одна из ключевых задач развития государственности, способ привлечения граждан к участию в решении общегосударственных задач. Поэтому исследование исторической составляющей данного явления представляется не только интересным с точки зрения «расширения кругозора», но и полезным, поучительным в рамках патриотического воспитания подрастающего поколения. В данном контексте, изучение места и роли магдебургского права в истории белорусской государственности является не только познавательным, но и актуальным. Можно выделить некоторые особенности действия норм магдебургского права на белорусских землях.

Во – первых, городское самоуправление вводилось в ВКЛ не просто правительством. Глава государства был высшей инстанцией в этом процессе и либо удовлетворял, либо нет просьбу жителей города о «даровании» права на самоуправление. На Западе же такое право чаще всего завоевывалось в упорной борьбе с сеньорами или епископами.

Во – вторых, потребность в этом праве возникало только тогда, когда новые экономические отношения в городах не могли найти себе эффективную систему законодательства. Каждый город шел к решению данного вопроса своим собственным путем. Этим и объясняются раз-

личные даты получения привилегий на самоуправление. Если бы это был действительно «приказ» правительства, то почему такая разбежка во времени? В 1390 г. привилегий на магдебургское право получает Брест, в 1391 г. – Гродно, в 1498 г. – Полоцк, в 1499 г. – Минск, в 1577 г. – Могилев, в 1581 г. – Пинск, и т. д. Можно было на общегосударственном уровне одновременно «приказать» всем городам жить по определенным правилам и снять проблему персонального надления города правом на самоуправление [1, с. 41].

В – третьих, если это было «навязанное властью» немецкое право, то как объяснить тот факт, что за время пользования правом на самоуправление города имели первоначальный привилегий и несколько подтвердительных. Причем на белорусских землях действовало правило: при смене в государстве правителя жители «...били ... чолом ... и клали перед нами (государем) привилегий ... в котором же привилегий выписано и жь дал тому месту... право немецкое майдебургское... и просили абыхмо им прежние привилегий подтвердили...». Варианты данного правила встречаются в каждом подтвердительном документе. Это говорит, в первую очередь, о том, что получение права на самоуправление имело добровольный характер. Например, г. Гродно получал привилегий, которыми вводилось, дополнялось и уточнялось право на самоуправление в 1496 г., 1502 г., 1506 г., 1516 г., 1540 г., 1541 г., 1561 г., 1562 г., 1576 г., 1588 г., 1589 г., 1718 г., 1744 г. Для Полоцка наиболее известны привилегий 1498 г. (первоначальный), 1510 г., 1580 г., 1597 г. (подтвердительные) [1, с. 46 – 48].

В – четвертых, в основе надления города магдебургским правом лежали именно экономические интересы. Иначе как можно объяснить факт получения привилегий на самоуправление не только государственными, но и частнособственными городами. Конечно, окончательное решение вопроса оставалось за собственником города, но первоначальная инициатива шла «снизу». Ведь «несогласие» горожан могло выразиться в недовольстве, бунтах, вооруженных восстаниях, а это было не выгодно ни государству, ни частным лицам – собственникам городов.

К. Петкевич пишет, что «только в XVI в. вместе с ростом доминирующей роли шляхты города начали должным образом оценивать достоинства этого права и значение самоуправления» [2, с. 320]. Однако приведенные выше данные свидетельствуют лишь о том, что уже к XVI в. идея магдебургского права – право на самоуправление – на белорусских землях прошла свою «апробацию» и была признана достаточно приемлемой. А. Титов отмечает, что «золотым веком для белорусских городов считается XVI – первая половина XVII вв. Именно в этот период такие привилегий получило наибольшее количество городов,